

Все это началось в понедельник в конце января. Унылый день и унылое время года. Рождество и новогодние праздники остались позади, и как будто не было их, а весной еще и не пахло. Лондон был сырым и холодным, магазины манили пустыми надеждами и «Товарами в дорогу». Деревья в парке стояли голые, и сквозь их кроны, как кружево, просвечивало низкое небо; прибитый газон выглядел унылым и мертвым, и невозможно было поверить, что когда-нибудь он вновь расцветится коврами лиловых и желтых крокусов.

Словом, день как день. Будильник прозвенел в темноте, начавшей бледнеть в широких квадратах незашторенных окон, в которых уже обозначилась верхушка платана, высвеченная оранжевыми отблесками далеких уличных огней.

В моей комнате не было другой мебели, кроме кушетки, на которой я лежала, и кухонного стола, который я все собиралась, когда будет время, отшкурить и отполировать воском. Даже

пол в комнате был ничем не прикрыт: голые доски упирались в светлые панели деревянной стеной обшивки. Ящик из-под апельсинов служил ночным столиком, а второй такой же ящик исполнял роль стула.

Вытащив руку из-под одеяла, я включила свет и с полнейшим удовольствием обозрела безотрадную картину. Вот он, мой первый дом. Я переехала сюда всего три недели назад, и принадлежало все это мне одной. В комнате я могла делать, что мне заблагорассудится: хочешь — развесь на белых стенах постеры, хочешь — выкраси стены в оранжевый цвет. Можешь отциклевать пол, а можешь разукрасить его полосками. У меня уже начал проявляться зуд приобретательства — не могла пройти мимо лавок подержанных вещей и антикварных магазинов, все выглядывая в витринах какое-нибудь сокровище, что было бы мне по карману. Именно таким образом я стала обладательницей стола и теперь замахивалась на старинное зеркало в золоченой раме, но никак не могла решиться войти в магазин и узнать цену. Может быть, я повешу его над камином или напротив окна, чтобы в нем отражались небо и верхушка платана, и тогда получится картина в богатой раме.

Эти приятные мечты отняли у меня некоторое время. Я опять взглянула на циферблат будильника, поняла, что поздно, и, выкарабкав-

шись из постели, босиком прошлепала по голому полу к крохотной кухоньке, где зажгла газ и поставила на плиту чайник. Так начался этот день.

Квартира моя располагалась в Фулеме на верхнем этаже маленького однотипного особнячка в ряду других таких же особнячков и принадлежала Джону и Мэгги Трент. С ними я познакомилась на Рождество, которое встречала со Стивеном Форбсом, его женой Мэри и целым выводком неопрятных детишек в их большом неопрятном доме в Патни. Стивен Форбс был моим хозяином, владельцем книжного магазина на Уолтон-стрит, в котором я уже год как работала. Он проявлял ко мне неизменное внимание, был крайне добр и предупредителен, и когда узнал от одной из девушек-продавиц, что на Рождество я остаюсь одна, от них с Мэри тут же последовало настойчивое приглашение, больше даже похожее на приказ, погостить у них три праздничных дня. «Места у нас полно, — путано уговаривал он, — и на чердаке комната есть, и в комнате у Саманты лишняя кровать, да где угодно, вы же не будете привередничать, правда ведь? А кроме того, поможете Мэри управиться с индейкой и подмести клочки оберточной бумаги, раскиданные по всему дому».

Посмотрев на ситуацию под таким углом зрения, я в конце концов согласилась и прекрас-

но провела время. Что может быть лучше семейного Рождества, когда кругом дети, и шум, и оберточная бумага, и подарки, и хвойный запах рождественской елки, сверкающей игрушками и кривоватыми самодельными украшениями!

На второй день Рождества, когда детей наконец уложили спать, Форбсы устроили вечеринку для взрослых, при этом детские забавы так и продолжались, и тут-то подросли Мэгги и Джон. Тренты были молодоженами. Она — дочь оксфордского профессора, хорошего знакомого Стивена еще со студенческих лет, хохотушка, девушка веселая и открытая. Стоило ей появиться — и вечеринка оживилась, гости встряхнулись, и веселье пошло-поехало. Нас представили друг другу, но поговорить удалось, лишь когда начались шарады и мы очутились бок о бок на диване и совместно попытались понять, что означает странная жестикуляция Мэри, старавшейся в пантомиме изобразить нам название фильма. «„Розмари“! — неизвестно почему вопил кто-то из гостей. — „Заводной апельсин“!»

Мэгги закурила сигарету и безнадежно откинулась на спинку дивана.

— Нет, мне это не по силам! — воскликнула она, и темноволосая ее головка повернулась ко мне. — Вы работаете у Стивена в магазине, да?

— Да.

— Я загляну к вам на той неделе: надо потратить книжные талончики, у меня их много накопилось.

— Вам повезло.

— Мы только что вселились в наш первый дом, и надо же что-то кинуть на кофейные столики, так, чтобы друзья думали, что я жуть какая умная!

Тут кто-то выкрикнул:

— Мэгги! Теперь твоя очередь.

— Вот черт! — прошипела она и, вскочив, отправилась узнать, что ей предстоит разыгрывать.

Не помню ее роли, помню только, что, глядя на то, как она весело дурачится, я чувствовала к ней большую симпатию и радостно предвкушала новую встречу с ней.

Встреча не замедлила состояться. Как и обещала, Мэгги заглянула в магазин через день-другой после праздников, одетая в куртку-дубленку и длинную лиловую юбку и с сумочкой, набитой книжными талонами. В тот момент клиента у меня не было, и я выглянула из-за аккуратной стопки книг в глянцевах обложках.

— Привет.

— О, вот и вы, как хорошо. Я надеялась вас увидеть! Вы мне поможете?

— Да, конечно.

Вместе мы отобрали кулинарную книгу, новую автобиографию, о которой было много разговоров, и впечатляюще дорогой альбом импрессионистов для пресловутого кофейного столика.

Покупка немного превысила стоимость всех ее талонов, и она, порывшись в сумочке, извлекла оттуда чековую книжку, с тем чтобы уплатить разницу.

— Джон будет в ярости, — сказала она счастливым голосом, выписывая чек красным фломастером. Чек был ярко-желтый, веселенький. — Он говорит, что мы жутко транжирим деньги. Вот. — На обороте чека она написала адрес: «Бракен-роуд, 14, SW6». Она произнесла это вслух на случай, если я не разобрала почерк. — Никак не привыкну писать этот адрес. Ведь мы только что там поселились. Потрясающе, что мы теперь полные владельцы, хотите верьте, хотите нет. Конечно, с первым взносом нам помогли родители, но Джон ухитрился выклянчить у какой-то там строительной фирмы ссуду на остальное. Правда, чтобы выплачивать ссуду, придется сдать верхний этаж, но, думаю, все как-нибудь устроится. — Она улыбнулась. — Вы должны прийти к нам и посмотреть, как мы живем.

— С удовольствием. — Я упаковывала ее книги, старательно выравнивая бумагу и аккуратно подгибая острые уголки. Она наблюдала за мной.

— Простите, это жутко невежливо, но я не помню вашего полного имени. Знаю только, что Ребекка, а как дальше — не знаю.

— Ребекка Бейлис.

— Вы случайно не слышали о каком-нибудь симпатичном тихом человеке, которому требуется квартира без мебели?

Я взглянула на нее. Наши мысли двигались в одном направлении, так что мне даже почти не пришлось говорить. Завязав узелок на свертке, я перерезала бечевку.

— Ну а я подойду?

— Вы? Вы разве ищете жилье?

— До этого момента не искала, а теперь ищу.

— Но это всего одна комната и кухня. А ванной нам придется пользоваться сообща.

— Не возражаю, если вы не возражаете. А также если осилю плату. Ведь я не знаю, сколько вы просите.

Мэгги назвала цену. Я судорожно глотнула и, сделав в уме несколько математических выкладок, сказала:

— Это я осилю.

— А мебель у вас найдется?

— Нет. Я снимаю меблированную квартиру вместе с еще двумя девушками. Но мебель я раздобуду.

— Вы говорите так, словно вам не терпится съехать оттуда, где вы живете.

— Мне терпится, но хочу пожить сама по себе.

— Что ж, но, прежде чем решать, вам неплохо бы зайти и посмотреть квартиру. Как-нибудь вечером, потому что днем мы с Джоном на работе.

— А сегодня вечером? — Я не смогла скрыть нетерпения и произнести это спокойным голосом, и Мэгги рассмеялась.

— Ладно, — сказала она. — Сегодня вечером. — Она взяла изумительно запакованный сверток с книгами и собралась уходить.

Я вдруг запаниковала:

— Но я... я не знаю адреса.

— Да знаете вы адрес! Вот глупышка! Он же есть на обороте чека. Сядете на двадцать второй автобус. Буду ждать вас около семи.

— Приеду, — пообещала я.

Трясаясь на неспешном автобусе по Кингс-роуд, я сознательно старалась притушить в себе энтузиазм. Ведь еду я покупать кота в мешке. Квартира может мне совершенно не подойти, оказавшись чересчур большой, или чересчур маленькой, или неудобной в тысячах отношений, которые и представить себе невозможно. Лучше немного скепсиса, чем последующее разочарование. И действительно: снаружи домик показался мне крайне невзрачным — краснокирпичный особнячок в ряду таких же краснокирпичных особнячков с затейливым входом и удручающей имитацией витража. Но внутри

номер 14 радовал глаз свежей краской и новыми коврами и самой хозяйкой, облаченной в старые джинсы и синий свитер.

— Простите, что я в таком неприглядном виде, но на мне все хозяйство, так что, приходя с работы, я обычно переодеваюсь. Давайте поднимемся, и вы посмотрите что к чему... Повесьте пальто вот сюда, на перила. Джона еще нет, но я сказала ему, что вы придете, и он был в восторге от идеи...

Так болтая без умолку, она провела меня по лестнице наверх в пустую комнату в задней части дома. Она включила свет.

— Выходит на юг в маленький парк. Прежние владельцы пристроили внизу веранду, так что у вас из ее крыши получится балкон.

Она открыла стеклянную дверь, и мы ступили в холодную черную ночь. Я вдохнула лиственный запах парка, запах сырой земли и увидела окаймленную уличными огнями раскинувшуюся внизу пустую черноту. Внезапно подул холодный порывистый ветер, и черная листва платана зашелестела, а потом звук этот утонул в гуле пролетевшего реактивного самолета.

— Прямо как за городом! — сказала я.

— Да, почти, и это тоже преимущество. — Она поежилась. — Пойдемте-ка лучше в дом, пока совсем не заоченели.

Мы опять прошли через стеклянную дверь внутрь, и Мэгги показала мне крохотную ку-

хоньку, переделанную из чулана, а потом, на полуэтаже, куда мы тут же спустились, ванную, которой нам предстояло пользоваться сообща. Наконец мы опять очутились внизу в теплой и неприбранной гостиной Мэгги, и она извлекла бутылку хереса и картофельные чипсы, по ее уверениям засохшие, но мне они показались в самый раз.

— Все еще собираетесь переселяться?

— Больше прежнего.

— Когда бы вы хотели переехать?

— Как можно скорее. На следующей неделе, если вы не против.

— А что будет с вашими товарками по квартире?

— Найдут себе кого-нибудь еще. У одной из них сестра скоро переезжает в Лондон. Наверное, она займет мою комнату.

— А где мебель возьмете?

— О... ну как-нибудь исхитрюсь.

— Надеюсь, — благодушно сказала Мэгги, — тут добрыми гениями окажутся ваши родители, как это обычно водится. Когда я только-только переехала в Лондон, моя мама чего только не надавала мне с чердака и из комода, так что я... — Голос ее замер. Я глядела на нее в грустном молчании, и кончилось тем, что она посмеялась над собой: — Ну вот, опять я разболталась, раскрыла рот и лезу, куда не следует. Простите меня, я, видимо, сказала какую-то идиотскую бестактность.

— Отца у меня нет, а мать живет за границей. Она сейчас на Ибице. Вот почему я и хочу пожить сама по себе.

— Простите. Могла бы без вашей подсказки сообразить, раз вы проводите Рождество с Форбсами. То есть должна была бы догадаться.

— Стоило ли догадываться.

— А ваш отец умер?

По-видимому, она была любопытна, но любопытство проявляла так откровенно и по-дружески, что мне внезапно показалось смешным заператься и скрытничать, как я обычно делала, когда окружающие начинали приставать ко мне с расспросами о семье.

— Не думаю, — сказала я, постаравшись, чтобы это прозвучало легко и как бы между прочим. — Наверное, живет себе в Лос-Анджелесе. Он был актером. Мать сбежала с ним, когда ей было восемнадцать лет. Но вскоре семейный очаг ему наскучил, а возможно, он решил, что карьера для него важнее семьи. Так или иначе, брак их продлился всего несколько месяцев, после чего он взял да смылся, а мать тем временем родила меня.

— Какой кошмар!

— Да, наверное, вы правы. Я старалась над этим не задумываться. Мать никогда о нем не говорила. И не потому, что это ей было очень уж горько или что-нибудь в этом роде, просто то, что прошло и осталось позади, она обычно

забывала. Такое у нее свойство. Смотреть лишь вперед и с оптимизмом.

— А что было потом, после вашего рождения? Она вернулась к родителям?

— Нет, так и не вернулась.

— Вы хотите сказать, что никто не прислал телеграмму со словами: «Вернись, мы все простим»?

— Не знаю. Честное слово, не знаю.

— Вероятно, когда ваша мама сбежала, разразился ужасный скандал, но даже если и так... — Голос ее дрогнул. Видимо, она просто не могла взять в толк ситуацию, которую я хладнокровно воспринимала как данность всю свою жизнь. — Что же это за люди, если они могли так поступить с собственной дочерью?

— Вот уж не знаю.

— Вы, наверное, шутите!

— Нет, серьезно, я не знаю.

— Вы хотите сказать, что не знакомы с собственными дедом и бабкой?

— Я не знаю даже, кто они такие или кем они были. Не знаю, живы ли они еще.

— Неужели вам ничего-ничего не известно? Разве ваша мама совсем вам ничего не рассказывала?

— О, конечно... какие-то обрывки прошлого то и дело возникали в разговорах, но общая картина не складывалась. Ну, знаете, как обыч-

но матери говорят с детьми — вспоминают случаи из жизни или что-то из собственного детства.

— Но Бейлис... — Она нахмурилась... — Фамилия ведь не совсем обычная. И что-то она мне напоминает, а что — не могу вспомнить. Неужели и у вас нет ни одной зацепки?

Мне была смешна ее настойчивость.

— Вы говорите так, словно я очень хотела узнать. Но, видите ли, я этого вовсе не хотела. Не знаешь деда с бабушкой — и скучать потом не будешь.

— Но неужели вам не было интересно узнать, где они жили?

— Я знаю, где они жили. Они жили в Корнуолле. В каменном доме, там холмы и луга спускаются к морю. А у матери был брат Роджер, но он погиб на войне.

— Но как она жила после вашего рождения? Наверное, ей пришлось устраиваться на работу.

— Нет, у нее были кое-какие деньги. Наследство старой тетушки или что-то в этом роде. Автомобиля мы, конечно, не имели и в роскоши не купались, но концы с концами сводили. Она поселилась в Кенсингтоне, на первом этаже дома, принадлежавшего каким-то ее друзьям. Мы прожили там, пока мне не исполнилось восемь, когда меня отправили в школу-интернат, а потом мы, как бы это сказать, стали колесить...